В издательстве «Современник» вышел сборник статей, исследований, эссе известного советского литературоведа Владимира Лакшина «Биография книги».

Напомним, что В. Лакшин является автором монографии «Толстой и Чехов» (она вышла дважды, второе издание — М., «Советский писатель», 1975) и книги об А. Н. Островском, которая вышла в 1976 году в издательстве «Искусство» (серия «Жизнь в искусстве»).

В издательской аннотации к новой книге В. Лакшина говорится, что ее можно отнести к столь популярному в последнее время жанру «занимательного литературоведения». По просьбе редакции Владимир Яковлевич ЛАКШИН рассказывает об этой книге.

ОБРАЩАЯСЬ К БИОГРАФИИ ХУДОЖНИКА

НАЗВАНИЕМ этой книги я обязан С. Я. Маршаку. В одном давнем разговоре он с увлечением развивал мысль, что у книг, которые мы зовем классическими, «вечными», как и у людей, их написавших, есть своя биография, своя судьба.

В самом деле, биография книги незримо зарождается в жизненном опыте автора; она складывается из постоянных его дум и сильных душевных впечатлений, из кратких минут вдохновения и напряженной, часто мучительной работы памяти, из встреч и разговоров в толпе людей, «на миру», и сосредоточенного одиночества за письменным столом, из черновиков и помарок. Исчерканные автором корректуры книги, отклики первых читателей, похвалы и брань рецензентов, наконец, полное признание и как неизбежная часть его — угасание живой поэзии в хрестоматийных отрывках и школьных разборах, а потом новые всплывающие интересы к шедевру классики, загорающего свежими красками, будто он написан вчера, — это тоже биография книги...

В изданный «Современником» сборник моих статей вошли работы о «Евгении Онегине» Пушкина и толстовском «Хаджи-Мурате», «Записках из Мертвого дома» Достоевского и пьесе Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Состав достаточно пестрый, но для автора не случайный, хотя некоторые из этих работ написаны 15—20 лет назад, а иные закончены совсем недавно.

У любого пишущего возникает время от времени необходимость оглянуться на сделанное им прежде, подвести некие предварительные итоги, чтобы успешнее двигаться дальше. Я много занимался русской литературой XIX века, иногда наряду с живой советской и зарубежной современной литературой. В разные годы то одни, то другие жанры критической работы становились для меня преимущественным способом высказывания. Сборник «Биография книги» целиком посвящен наследию русской

классики. Мне хотелось бы, чтобы в исследованиях и литературных очерках о Третьяковском, Пушкине, Достоевском, Толстом, Островском, Чехове, Бунине читатель распознал бы и некую цельность — не темы, но подхода, направления мысли, способа анализа.

В творениях классики меня всегда более всего занимало то же, что и в лучших образцах современной литературы — возможность глубже, полнее понять людей и жизнь, пережить заодно с автором поразительные по интенсивности минуты душевного подъема, то есть подняться над самим собой, стать, общаясь с книгой, чуть умнее и лучше самого себя.

Такой подход, как считают, сродни непосредственному читательскому восприятию и напрашивается упрек: не вносит ли исследователь в строго объективную по своей природе работу литературоведа элементы пристрастного подхода живой критики? Не стану этого опровергать. Но если сама критика пользуется ныне приемами литературоведения и применяет к современности критерии истории литературы, то, может быть, и в отношении к классическим шедеврам возможен менее педантичный, более свободный по интонации «критический» подход?

Когда почти четверть века назад я начинал как неопит литературоведения, мы все были под обаянием поисков социологических «закономерностей», которые сулили дать ключи к форме искусства. Личность писателя, казалось, едва просвечивала в его творениях, книги существовали в сознании литературоведа как бы автономно от фигуры творца. В обращении к биографии художника видели пережитки скомпрометированного «биографического метода», ведущего начало от Сент-Бёва. Да и сами классические шедевры нередко выступали лишь как функция историко-социального процесса. Литература как прозрение в человеческую душу, познание социально-психо-